

«Подвиг свой ежедневный вы совершали достойно и просто»

31.01.2014

«Здесь лежат ленинградцы./Здесь горожане – мужчины, женщины, дети./ Рядом с ними солдаты-красноармейцы/... Знай, внимающий этим камням/ Никто не забыт, ничто не забыто», – скорбные и гордые слова Ольги Берггольц, высеченные на граните плит Пискаревского кладбища, знакомы каждому с детства. Сегодня на Пискаревское мемориальное кладбище – самое большое в мире захоронение жертв Второй мировой войны – придут сотни людей. В день 70-летия прорыва ленинградской блокады к монументу матери-Родины, на припорошенные снегом братские могилы лягут живые цветы. Здесь вспомнят тех, кто не дожил до дня, когда смертельное кольцо было разомкнуто, кому не суждено было встретить полное снятие блокады год спустя 27 января 1944 года и кто повседневным мужеством отстоял родной город.

В городе сегодня будет много торжественно-памятных событий: заседание президиума совета Российского исторического общества с участием его руководителя-председателя Государственной Думы Сергея Нарышкина в Музее обороны и блокады, встречи в Обществе жителей блокадного Ленинграда, открытия тематических выставок в музеях и представление долгожданной полной версии «Блокадной книги» Алеся Адамовича и Даниила Гранина.

Книга, вышедшая почти тридцать лет назад, была изуродована цензурой. К 70-летию прорыва блокады издание увидело свет без купюр, и кроме того – с подробным предисловием, посвященным драматической истории ее создания и запрета в городе, мученическому героизму которого она посвящена. На фоне огромного количества серьезной документальной, публицистической, мемуарной литературы о блокаде, вышедшей в последние два десятилетия, ее появление закономерно воспринимается уже не как документальная сенсация, но как символический акт. И приговор власти, беспомощность и бессовестность которой со всей беспощадностью высветила правда войны. Власти, узурпировавшей право на подлинную память о трагедии и подвиге города-героя, скрывавшей страшную правду буквально с первых дней блокады и десятилетия спустя после ее окончания.

Кольцо вокруг Ленинграда замкнулось 8 сентября 1941 года. Но в Ставку об этом не докладывали почти две недели, надеясь, что советские войска скоро прорвут блокаду, и можно будет доложить верховному главнокомандующему Иосифу Сталину об «успешном дезавуировании фашистской провокации». Это недоверие стоило Ленинграду сотен тысяч жизней – решение комиссии Госкомитета обороны о срочном ввозе продовольствия в Северную столицу в связи с угрозой осады было принято катастрофически поздно – в конце августа. Разумеется, о блокаде не сообщалось и населению. Более того, 13 сентября газета «Ленинградская правда» опубликовала сообщение Совинформбюро: «Утверждение немцев, что им удалось перерезать все железные дороги, связывающие Ленинград с Советским Союзом, является обычным для немецкого командования преувеличением».

**В ленинградском хлебе муки было 40%. Остальное – жмых, целлюлоза, солод.
Температура в квартирах, обогреваемых «буржуйками», зимой редко была плюсовой**

Ольга Берггольц записала в этот день в дневнике (впервые опубликованном в 2010 году): «Жалкие хлопоты власти и партии, за которые мучительно стыдно... Как же довели до того, что Ленинград осажден, Киев осажден, Одесса осаждена. Ведь немцы все идут и идут... Артиллерия садит непрерывно... Не знаю, чего во мне больше – ненависти к немцам или раздражения, бешеного, щемящего, смешанного с дикой жалостью, – к нашему правительству... Это называлось: «Мы готовы к войне». О сволочи, авантюристы, безжалостные сволочи!»

В осажденном городе осталось 2 млн 544 тыс. гражданского населения, в том числе свыше 100 тыс. беженцев из Прибалтики, Карелии и Ленинградской области. Вместе с жителями пригородных районов в блокадном кольце оказались 2 млн 887 тыс. человек.

На 21 июня 1941 года на ленинградских складах имелось муки на 52 дня, крупы – на 89 дней, мяса – на 38 дней, масла животного – на 47 дней, масла растительного – на 29 дней. В день начала блокады город нещадно бомбили, пожары пылали повсюду. Самый большой пожар в этот день возник на продовольственных складах им. Бадаева, где сгорела значительная часть имевшегося в городе продовольствия: запасы города на 1-3 дня, по действовавшим нормам. Советская версия о том, что именно этот пожар был главной причиной голода 1941-1942-го, не соответствует действительности, так как запасов продовольствия в них к тому времени оставалось максимум на десять дней по довоенным нормам потребления. Поскольку к сентябрю уже действовала карточная система распределения продуктов, оставшиеся запасы растянули на месяц. Никакого НЗ вопреки всем правилам обеспечения жизнедеятельности мегаполиса до войны в Ленинграде не было. (Не меньшим нарушением являлось и то, что все продовольствие было сосредоточено в одной точке.)

С 20 ноября ленинградцы стали получать самую низкую норму хлеба за все время блокады – 250 г по рабочей карточке и 125 г по служащей и детской. Рабочие карточки в ноябре – декабре 1941 года получала только третья часть населения. В ленинградском хлебе муки было 40%. Остальное – жмых, целлюлоза, солод. Зима 1941-1942-го была страшно суровой: температура воздуха колебалась в декабре – феврале от минус 20 до минус 32 градусов, в квартирах, обогреваемых лишь «буржуйками», зимой она редко была плюсовой. Электричество было отключено, канализация не работала уже с декабря 1941-го.

Городское и областное руководство проблем с продовольствием не испытывало: «В правительственной столовой (Смольного. – Ю.К.) было абсолютно все, без ограничений, как в Кремле. Фрукты, овощи, икра, пирожные. Молоко и яйца доставляли из подсобного хозяйства во Всеволожском районе. Пекарня выпекала разные торты и булочки», – это дневник сотрудника столовой Смольного. Из воспоминаний ленинградского инженера-гидролога: «Был у Жданова (первый секретарь Ленинградского горкома. – Ю.К.) по делам водоснабжения. Еле пришел, шатался от голода... Шла весна 1942 года. Если бы я увидел там много хлеба и даже колбасу, я бы не удивился. Но там в вазе лежали пирожные».

В этом контексте абсолютно логичной выглядит телеграмма Андрея Жданова в

Москву с требованием «прекратить посылку индивидуальных подарков организациями в Ленинград... это вызывает нехорошие настроения». Более того, в Москве, в частности, в партийно-номенклатурном руководстве Союза писателей, сложилось мнение, что «ленинградцы сами возражают против этих посылок». Берггольц по этому поводу воскликнула в дневнике: «Это Жданов – «ленинградцы»?!»

А вот фрагмент (запись от 9 декабря 1941 года) дневников сотрудника Смольного, инструктора отдела кадров горкома ВКП(б) Николая Рибковского: «С питанием теперь особой нужды не чувствую. Утром завтрак – макароны или лапша, или каша с маслом и два стакана сладкого чая. Днем обед – первое щи или суп, второе мясное каждый день. Вчера, например, я скушал на первое зеленые щи со сметаной, второе – котлету с вермишелью, а сегодня на первое суп с вермишелью, второе – свинина с тушеной капустой». Весной 1942 года Рибковский был отправлен «для поправки здоровья» в партийный санаторий, где продолжил вести дневник. Еще один отрывок, запись от 5 марта: «Вот уже три дня я в стационаре горкома партии. Это семидневный дом отдыха в Мельничном ручье (курортная окраина города. – Ю.К.). С мороза, несколько усталый, вваливаешься в дом, с теплыми уютными комнатами, блаженно вытягиваешь ноги... Каждый день мясное – баранина, ветчина, кура, гусь, индюшка, колбаса; рыбное – лещ, салака, корюшка, и жареная, и отварная, и заливная. Икра, балык, сыр, пирожки, какао, кофе, чай, 300 грамм белого и столько же черного хлеба на день... и ко всему этому по 50 грамм виноградного вина, хорошего портвейна к обеду и ужину... Я и еще двое товарищей получаем дополнительный завтрак: пару бутербродов или булочку и стакан сладкого чая... Война почти не чувствуется. О ней напоминает лишь гроыхание орудий...». Данные о количестве продуктов, ежедневно доставлявшихся в Ленинградские обком и горком ВКП(б) в военное время, недоступны исследователям до сих пор. Как и информация о содержании спецпаёков партийной номенклатуры и меню столовой Смольного.

«Не знаю, чего во мне больше – ненависти к немцам или раздражения, бешеного, щемящего, смешанного с дикой жалостью, – к нашему правительству», – писала в дневнике Ольга Берггольц

Весной 1942 года ленинградцы с радостью собирали траву на городских газонах. Заготовку и переработку травы вел фасовочно-пищевой комбинат. Были созданы пункты по приему растений. Сборщикам выдавали дополнительные карточки на хлеб за не менее чем 25 кг травы. Траву продавали в Елисеевском магазине на Невском. Ленинградский Ботанический институт выпустил брошюру с перечнем съедобных растений, которые можно было найти в городских парках и садах, и рецептов блюд из них – например, салат из одуванчиков, суп из крапивы, запеканка из сныти.

«Социологический срез» высказываний, отправленный для ознакомления наркому внутренних дел Лаврентию Берии 13 марта 1942 года: «Наше правительство и ленинградские руководители бросили на произвол судьбы. Люди умирают как мухи, а мер против этого никто не принимает».

Из справки Управления НКВД по Ленинградской области о смертности населения по состоянию на 25 декабря 1941 года:

«Если в довоенный период в городе в среднем ежемесячно умирало до 3500 чел., то за последние месяцы смертность составляет:

в октябре – 6199 чел.,

в ноябре – 9183 чел.,

за 25 дней декабря – 39 073 чел...

В течение декабря смертность возрастала:

с 1 по 10 декабря умерло – 9541 чел.,

с 11 по 20 декабря – 18 447 чел.,

с 21 по 25 декабря умерло – 11 085 чел.».

В феврале в среднем за сутки умирало 3 тыс. 200 человек – 3 тыс. 400 человек. В феврале того же года за каннибализм было осуждено более 600 человек, в марте – более тысячи. «Запрещено слово «дистрофия» – смерть происходит от других причин, но не от голода. О, подлецы, подлецы!» – в отчаянии от чудовищной лжи власти записала Берггольц.

«К сожалению, в городе нет организации, которая могла бы называть точную цифру умерших в городе Ленинграде людей за период с 1 декабря 1941 г. по 1 июня 1942 г.», – сообщало в 1943 г. городское управление предприятиями коммунального обслуживания о работе с июня 1941 года по июнь 1942-го. В документе сказано, что «...в связи с дальнейшим ростом смертности и ослаблением живых, количество желающих оформить в ЗАГСх и своими силами захоронить умершего падало, а подбрасывание покойников возрастало...» Возможен был только учет на кладбищах, но их работники были заняты в первую очередь тем, чтобы быстрее захоронить поступающих покойников, поэтому кладбища не вели точного учета. По данным кладбищ города, далеко не точным, ими за период с 1 июля 1941-го по 1 июля 1942-го захоронено более миллиона человек. Точный учет умерших не велся до 1943 года.

Только на Пискаревском кладбище погребено более 400 тысяч ленинградцев. (Сохранившаяся фрагментарная статистка дает представление о масштабах трагедии – 15 февраля 1942 г. доставлено 8452 умерших, 19 февраля – 5569, 20 февраля – 10 043.) После снятия блокады в 1944 году сводить воедино и обнародовать данные о смертности в Ленинграде было строжайше запрещено.

Впервые данные о количестве погибших (названные «точными») появились в книге бывшего уполномоченного ГКО по продовольствию в Ленинграде Дмитрия Павлова: 641 803 человека. Эта информация вплоть до 90-х годов считалась «единственно правильной». В действительности же это число погибших от голода с ноября 1941 г. по октябрь 1942 г. Согласно же современным данным, число жертв блокады – от одного миллиона двухсот тысяч, до полутора миллионов человек.

Уже после первой блокадной зимы партийное руководство города пыталось направить в «нужное» русло коллективную память ленинградцев. Решено было сделать фильм о блокаде. На всех этапах работы над фильмом – от написания сценария до выпуска его на экран – шла непрерывная работа по изъятию слоя за

слоем фрагментов, свидетельствовавших о глубине ленинградской трагедии и проявившейся при этом слабости власти. В обсуждении подготовленной к показу документальной картины «Оборона Ленинграда» в студии кинохроники приняло участие все руководство города. Общее мнение выразил председатель горисполкома Петр Попков: «Насчет покойников. Куда их везут? Причем их очень много показано. Впечатление удручающее... Я считаю, что много не нужно показывать – зачем вереница?... Или, скажем, идет человек и качается. Неизвестно, почему он качается, может быть, он пьян. Это сгущает краски, создает тяжелое впечатление». Его дополнил второй секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) Алексей Кузнецов, четко назвавший истинную причину запрета выхода картины: «Получается чересчур много трудностей. Разваленный город, разбомбленный, захламленный, кругом пожары, все покрыто льдом, люди едва движутся, а борьбы не показано. Разве это оборона. Вот, скажут, правители, довели город до такого состояния. Направление взято неправильно». Итог подвел Жданов: «Картина не удовлетворяет».

Побывавшая в 1942 году в Москве Берггольц испытала шок: «О Ленинграде все скрывалось, о нем не знали правды так же, как о ежовской тюрьме. Я рассказываю им о нем, как когда-то говорила о тюрьме, – неудержимо, с тупым, посторонним удивлением... Трубя о нашем мужестве, они скрывают от народа правду о нас. Мы изолированы, мы выступаем в ролях «героев» фильма «Светлый путь». Тогда она горько призналась самой себе: «Для слова – правдивого слова о Ленинграде – еще, видимо, не пришло время... Придет ли оно вообще?»

Правды о блокаде власти боялись всегда, как и самого мироощущения жителей города, где в годы войны, по выражению Даниила Гранина, интеллигентность слилась с народностью. «Теперь-то мы хорошо почувствовали свою силу!» – воскликнула Ольга Берггольц в эфире Ленинградского радио 18 января 1943 года, в день прорыва блокады. Но именно сильный народ властям был не нужен. Они не доверяли городу непокоренных. Городу, стойкость жителей которого не могло не признать даже гитлеровское командование. В Центральном архиве ФСБ России хранится циркуляр командующего группой армий «Висла», рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. «Висла» весной 1945-го прикрывала подступы к Берлину, и Гиммлер на примере непобедимого Ленинграда описывал качества наступающего на столицу рейха противника.

«Секретно.

Генералам и командирам дивизий войск группы «Висла». 19.2 1945.

Настоящим посылаю для изучения материалы по обороне Ленинграда... Пусть каждый узнает, с каким грубым, холодным как лед противником мы имеем дело...

...Обязанностью каждого жителя города было выполнение только таких работ, которые стояли в непосредственной связи с обороной города с тем, чтобы отбросить врага, или просто работ, связанных с ведением войны. Жители обучались военному делу, рыли окопы и работали на промышленных оборонных предприятиях. Воля населения к сопротивлению не была сломлена. Проведение оборонных мероприятий было всеобщим. Эти мероприятия проводились полностью даже при бесчисленных атаках немецких войск. Пригородные районы и сам город перерезали противотанковые рвы и система окопов. Каждый дом был превращен в крепость, подвальные помещения связаны в линии обороны. Ненависть населения

стала важнейшим мотором обороны».

Вот этой несломленной воли к сопротивлению, как и ценой невероятных жертв завоеванного права на честную память, партийное руководство после войны опасалось более всего. И «в назидание» организовало сначала погромное постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград» в 1946 году, а потом, в 1949-м, «Ленинградское дело». В 1949 году был уничтожен и открывшийся еще во время войны Музей обороны и блокады, экспонаты для которого собирали сами ленинградцы. Его руководство репрессировали по «Ленинградскому делу». Создатели экспозиции музея, как резюмировала прибывшая с проверкой комиссия ЦК ВКП(б), «незаслуженно приписали» подвиг воинам и горожанам, «создавали миф об особой «блокадной» судьбе Ленинграда» и даже «принизили роль товарища Сталина в обороне города». Блокада Ленинграда, теперь уже информационная, продолжалась. «Ведь они же утвердятся в случае победы, им зачтут именно то, что они делают», – еще во время войны предчувствовала Берггольц. И снова не ошиблась – «они» укрепились, и «им» действительно зачли деятельность по умерщвлению правды. Одним из таких «укрепившихся» стал начавший свою партийную карьеру после «Ленинградского дела» и доросший до должности первого секретаря Ленинградского обкома КПСС Григорий Романов. Именно он, невзирая на просьбы ленинградцев, не разрешал вновь открыть Музей обороны и блокады: музей открылся лишь после отъезда Романова в Москву, в середине 80-х. Он же, несмотря на письма блокадников, запретил хоронить Ольгу Берггольц на Пискаревском кладбище. А еще товарищ Романов наложил вето на издание в Ленинграде «Блокадной книги» – даже с цензурными купюрами (первая, журнальная, публикация состоялась в Москве в 70-х). И уже в 2004 году в интервью «РГ» не постеснялся откровенно ответить на вопрос о том, почему негативно воспринял «Блокадную книгу»: «Вы знаете, я и сейчас плохо отношусь к Гранину, точнее к тому, что он говорит и пишет о блокаде. Это все неправильно, необъективно... Руководители города, включая Жданова, сделали все, чтобы спасти Ленинград». (См. «РГ» от 27.01.2004.) Бывают странные сближения – в 2010 году, за несколько дней до празднования 100-летнего юбилея Ольги Берггольц, Смольный во главе с предыдущим губернатором, вопреки протестам творческих деятелей и простых горожан, принял решение «в целях увековечения памяти государственного деятеля Григория Васильевича Романова» об установлении мемориальной доски на доме, где он жил. Петербуржцы прозвали ее «доской беспамятства». Несколько позже то же правительство Петербурга признало аварийным памятник архитектуры XIX века – Дом литератора на Невском проспекте, 68. Дом литератора начали восстанавливать сразу после прорыва блокады Ленинграда. Он стал первым возрожденным историческим зданием города-героя, причем возрожденным благодаря подвижничеству жителей, добровольно приходивших помогать реставраторам. Пытаясь спасти легендарный особняк, деятели культуры (среди которых были Михаил Пиотровский и Александр Сокуров) напоминали и об этом, считая его своеобразным памятником духовному подвигу горожан. Безуспешно. Его, не дрогнув, снесли. Теперь на месте исторической памяти возводится броский архитектурный новодел.

Кто не забыт и что не забыто?

Справка «РГ»

Промышленное производство в Ленинграде 1941-1942 годов

На оборонных работах, организованных в городе к концу июня 1941 года, были заняты в подавляющем большинстве женщины, подростки и старики. В строительстве оборонительных сооружений под Ленинградом работали более 475 тыс. человек. Было вырыто 626 км противотанковых рвов, сооружено 15 тыс. дотов и дзотов. В самом Ленинграде на 110 узлах обороны было построено 25 км баррикад, 570 артиллерийских дотов, около 3600 пулеметных дотов.

Только с 15 декабря 1941 г. по 15 марта 1942 г. в Ленинграде было отремонтировано 53 танка, 43 артиллерийских орудия, 37 самолетов, 700 оптических приборов, большое количество минометов и стрелкового оружия. Основное же внимание обращалось на выпуск новой продукции. За тот же период было изготовлено и передано фронту 88 полковых пушек, 2657 автоматов, 479 минометов, 95 тыс. корпусов снарядов и мин, снаряжено 256 тыс. выстрелов снарядов и мин, произведено 435 тыс. взрывателей, 29 млн капсюлей.

Уже в 1942 году промышленность Ленинграда освоила производство более 50 новых видов вооружения и боеприпасов, выпустила свыше 3 млн снарядов и мин, около 40 тыс. авиабомб, 1260 тыс. ручных гранат. Тогда же на фронт было отправлено 713 танков, 480 бронемашин, 58 бронепоездов, выпущенных в блокадном городе.

Текст: Юлия Кантор (доктор исторических наук)
Источник сайт «Российская газета»

«Здесь лежат ленинградцы./Здесь горожане – мужчины, женщины, дети./ Рядом с ними солдаты-красноармейцы/... Знай, внимающий этим камням/ Никто не забыт, ничто не забыто», – скорбные и гордые слова Ольги Берггольц, высеченные на граните плит Пискаревского кладбища, знакомы каждому с детства. Сегодня на Пискаревское мемориальное кладбище – самое большое в мире захоронение жертв Второй мировой войны – придут сотни людей. В день 70-летия прорыва ленинградской блокады к монументу матери-Родины, на припорошенные снегом братские могилы лягут живые цветы. Здесь вспомнят тех, кто не дожил до дня, когда смертельное кольцо было разомкнуто, кому не суждено было встретить полное снятие блокады год спустя 27 января 1944 года и кто повседневным мужеством отстоял родной город.

В городе сегодня будет много торжественно-памятных событий: заседание президиума совета Российского исторического общества с участием его руководителя-председателя Государственной Думы Сергея Нарышкина в Музее обороны и блокады, встречи в Обществе жителей блокадного Ленинграда, открытия тематических выставок в музеях и представление долгожданной полной версии «Блокадной книги» Алеся Адамовича и Даниила Гранина.

Книга, вышедшая почти тридцать лет назад, была изуродована цензурой. К 70-летию прорыва блокады издание увидело свет без купюр, и кроме того – с подробным предисловием, посвященным драматической истории ее создания и запрета в городе, мученическому героизму которого она посвящена. На фоне огромного количества серьезной документальной, публицистической, мемуарной литературы о блокаде, вышедшей в последние два десятилетия, ее появление

закономерно воспринимается уже не как документальная сенсация, но как символический акт. И приговор власти, беспомощность и бессовестность которой со всей беспощадностью высветила правда войны. Власти, узурпировавшей право на подлинную память о трагедии и подвиге города-героя, скрывавшей страшную правду буквально с первых дней блокады и десятилетия спустя после ее окончания.

Кольцо вокруг Ленинграда замкнулось 8 сентября 1941 года. Но в Ставку об этом не докладывали почти две недели, надеясь, что советские войска скоро прорвут блокаду, и можно будет доложить верховному главнокомандующему Иосифу Сталину об «успешном дезавуировании фашистской провокации». Это недоверие стоило Ленинграду сотен тысяч жизней – решение комиссии Госкомитета обороны о срочном ввозе продовольствия в Северную столицу в связи с угрозой осады было принято катастрофически поздно – в конце августа. Разумеется, о блокаде не сообщалось и населению. Более того, 13 сентября газета «Ленинградская правда» опубликовала сообщение Совинформбюро: «Утверждение немцев, что им удалось перерезать все железные дороги, связывающие Ленинград с Советским Союзом, является обычным для немецкого командования преувеличением».

**В ленинградском хлебе муки было 40%. Остальное – жмых, целлюлоза, солод.
Температура в квартирах, обогреваемых «буржуйками», зимой редко была плюсовой**

Ольга Берггольц записала в этот день в дневнике (впервые опубликованном в 2010 году): «Жалкие хлопоты власти и партии, за которые мучительно стыдно... Как же довели до того, что Ленинград осажден, Киев осажден, Одесса осаждена. Ведь немцы все идут и идут... Артиллерия садит непрерывно... Не знаю, чего во мне больше – ненависти к немцам или раздражения, бешеного, щемящего, смешанного с дикой жалостью, – к нашему правительству... Это называлось: «Мы готовы к войне». О сволочи, авантюристы, безжалостные сволочи!»

В осажденном городе осталось 2 млн 544 тыс. гражданского населения, в том числе свыше 100 тыс. беженцев из Прибалтики, Карелии и Ленинградской области. Вместе с жителями пригородных районов в блокадном кольце оказались 2 млн 887 тыс. человек.

На 21 июня 1941 года на ленинградских складах имелось муки на 52 дня, крупы – на 89 дней, мяса – на 38 дней, масла животного – на 47 дней, масла растительного – на 29 дней. В день начала блокады город нещадно бомбили, пожары пылали повсюду. Самый большой пожар в этот день возник на продовольственных складах им. Бадаева, где сгорела значительная часть имевшегося в городе продовольствия: запасы города на 1-3 дня, по действовавшим нормам. Советская версия о том, что именно этот пожар был главной причиной голода 1941-1942-го, не соответствует действительности, так как запасов продовольствия в них к тому времени оставалось максимум на десять дней по довоенным нормам потребления. Поскольку к сентябрю уже действовала карточная система распределения продуктов, оставшиеся запасы растянули на месяц. Никакого НЗ вопреки всем правилам обеспечения жизнедеятельности мегаполиса до войны в Ленинграде не было. (Не меньшим нарушением являлось и то, что все продовольствие было сосредоточено в одной точке.)

С 20 ноября ленинградцы стали получать самую низкую норму хлеба за все время блокады – 250 г по рабочей карточке и 125 г по служащей и детской. Рабочие карточки в ноябре – декабре 1941 года получала только третья часть населения. В ленинградском хлебе муки было 40%. Остальное – жмых, целлюлоза, солод. Зима 1941-1942-го была страшно суровой: температура воздуха колебалась в декабре – феврале от минус 20 до минус 32 градусов, в квартирах, обогреваемых лишь «буржуйками», зимой она редко была плюсовой. Электричество было отключено, канализация не работала уже с декабря 1941-го.

Городское и областное руководство проблем с продовольствием не испытывало: «В правительственной столовой (Смольного. – Ю.К.) было абсолютно все, без ограничений, как в Кремле. Фрукты, овощи, икра, пирожные. Молоко и яйца доставляли из подсобного хозяйства во Всеволожском районе. Пекарня выпекала разные торты и булочки», – это дневник сотрудника столовой Смольного. Из воспоминаний ленинградского инженера-гидролога: «Был у Жданова (первый секретарь Ленинградского горкома. – Ю.К.) по делам водоснабжения. Еле пришел, шатался от голода... Шла весна 1942 года. Если бы я увидел там много хлеба и даже колбасу, я бы не удивился. Но там в вазе лежали пирожные».

В этом контексте абсолютно логичной выглядит телеграмма Андрея Жданова в Москву с требованием «прекратить посылку индивидуальных подарков организациями в Ленинград... это вызывает нехорошие настроения». Более того, в Москве, в частности, в партийно-номенклатурном руководстве Союза писателей, сложилось мнение, что «ленинградцы сами возражают против этих посылок». Берггольц по этому поводу воскликнула в дневнике: «Это Жданов – «ленинградцы»?!»

А вот фрагмент (запись от 9 декабря 1941 года) дневников сотрудника Смольного, инструктора отдела кадров горкома ВКП(б) Николая Рибковского: «С питанием теперь особой нужды не чувствую. Утром завтрак – макароны или лапша, или каша с маслом и два стакана сладкого чая. Днем обед – первое щи или суп, второе мясное каждый день. Вчера, например, я скушал на первое зеленые щи со сметаной, второе – котлету с вермишелью, а сегодня на первое суп с вермишелью, второе – свинина с тушеной капустой». Весной 1942 года Рибковский был отправлен «для поправки здоровья» в партийный санаторий, где продолжил вести дневник. Еще один отрывок, запись от 5 марта: «Вот уже три дня я в стационаре горкома партии. Это семидневный дом отдыха в Мельничном ручье (курортная окраина города. – Ю.К.). С мороза, несколько усталый, вваливаешься в дом, с теплыми уютными комнатами, блаженно вытягиваешь ноги... Каждый день мясное – баранина, ветчина, кура, гусь, индюшка, колбаса; рыбное – лещ, салака, корюшка, и жареная, и отварная, и заливная. Икра, балык, сыр, пирожки, какао, кофе, чай, 300 грамм белого и столько же черного хлеба на день... и ко всему этому по 50 грамм виноградного вина, хорошего портвейна к обеду и ужину... Я и еще двое товарищей получаем дополнительный завтрак: пару бутербродов или булочку и стакан сладкого чая... Война почти не чувствуется. О ней напоминает лишь гроыхание орудий...». Данные о количестве продуктов, ежедневно доставлявшихся в Ленинградские обком и горком ВКП(б) в военное время, недоступны исследователям до сих пор. Как и информация о содержании спецпайков партийной номенклатуры и меню столовой Смольного.

«Не знаю, чего во мне больше – ненависти к немцам или раздражения,

бешеного, щемящего, смешанного с дикой жалостью, — к нашему правительству», — писала в дневнике Ольга Берггольц

Весной 1942 года ленинградцы с радостью собирали траву на городских газонах. Заготовку и переработку травы вел фасовочно-пищевой комбинат. Были созданы пункты по приему растений. Сборщикам выдавали дополнительные карточки на хлеб за не менее чем 25 кг травы. Траву продавали в Елисеевском магазине на Невском. Ленинградский Ботанический институт выпустил брошюру с перечнем съедобных растений, которые можно было найти в городских парках и садах, и рецептов блюд из них — например, салат из одуванчиков, суп из крапивы, запеканка из сныти.

«Социологический срез» высказываний, отправленный для ознакомления наркомун внутренних дел Лаврентию Берии 13 марта 1942 года: «Наше правительство и ленинградские руководители бросили на произвол судьбы. Люди умирают как мухи, а мер против этого никто не принимает».

Из справки Управления НКВД по Ленинградской области о смертности населения по состоянию на 25 декабря 1941 года:

«Если в довоенный период в городе в среднем ежемесячно умирало до 3500 чел., то за последние месяцы смертность составляет:

в октябре — 6199 чел.,

в ноябре — 9183 чел.,

за 25 дней декабря — 39 073 чел...

В течение декабря смертность возрастала:

с 1 по 10 декабря умерло — 9541 чел.,

с 11 по 20 декабря — 18 447 чел.,

с 21 по 25 декабря умерло — 11 085 чел.».

В феврале в среднем за сутки умирало 3 тыс. 200 человек — 3 тыс. 400 человек. В феврале того же года за каннибализм было осуждено более 600 человек, в марте — более тысячи. «Запрещено слово «дистрофия» — смерть происходит от других причин, но не от голода. О, подлецы, подлецы!» — в отчаянии от чудовищной лжи власти записала Берггольц.

«К сожалению, в городе нет организации, которая могла бы называть точную цифру умерших в городе Ленинграде людей за период с 1 декабря 1941 г. по 1 июня 1942 г.», — сообщало в 1943 г. городское управление предприятиями коммунального обслуживания о работе с июня 1941 года по июнь 1942-го. В документе сказано, что «...в связи с дальнейшим ростом смертности и ослаблением живых, количество желающих оформить в ЗАГСх и своими силами захоронить умершего падало, а подбрасывание покойников возрастало...» Возможен был только учет на кладбищах, но их работники были заняты в первую очередь тем, чтобы быстрее захоронить поступающих покойников, поэтому кладбища не вели точного

учета. По данным кладбищ города, далеко не точным, ими за период с 1 июля 1941-го по 1 июля 1942-го захоронено более миллиона человек. Точный учет умерших не велся до 1943 года.

Только на Пискаревском кладбище погребено более 400 тысяч ленинградцев. (Сохранившаяся фрагментарная статистка дает представление о масштабах трагедии – 15 февраля 1942 г. доставлено 8452 умерших, 19 февраля – 5569, 20 февраля – 10 043.) После снятия блокады в 1944 году сводить воедино и обнародовать данные о смертности в Ленинграде было строжайше запрещено.

Впервые данные о количестве погибших (названные «точными») появились в книге бывшего уполномоченного ГКО по продовольствию в Ленинграде Дмитрия Павлова: 641 803 человека. Эта информация вплоть до 90-х годов считалась «единственно правильной». В действительности же это число погибших от голода с ноября 1941 г. по октябрь 1942 г. Согласно же современным данным, число жертв блокады – от одного миллиона двухсот тысяч, до полутора миллионов человек.

Уже после первой блокадной зимы партийное руководство города пыталось направить в «нужное» русло коллективную память ленинградцев. Решено было сделать фильм о блокаде. На всех этапах работы над фильмом – от написания сценария до выпуска его на экран – шла непрерывная работа по изъятию слоя за слоем фрагментов, свидетельствовавших о глубине ленинградской трагедии и проявившейся при этом слабости власти. В обсуждении подготовленной к показу документальной картины «Оборона Ленинграда» в студии кинохроники приняло участие все руководство города. Общее мнение выразил председатель горисполкома Петр Попков: «Насчет покойников. Куда их везут? Причем их очень много показано. Впечатление удручающее... Я считаю, что много не нужно показывать – зачем вереница?.. Или, скажем, идет человек и качается. Неизвестно, почему он качается, может быть, он пьян. Это сгущает краски, создает тяжелое впечатление». Его дополнил второй секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) Алексей Кузнецов, четко назвавший истинную причину запрета выхода картины: «Получается чересчур много трудностей. Разваленный город, разбомбленный, захламленный, кругом пожары, все покрыто льдом, люди едва движутся, а борьбы не показано. Разве это оборона. Вот, скажут, правители, довели город до такого состояния. Направление взято неправильно». Итог подвел Жданов: «Картина не удовлетворяет».

Побывавшая в 1942 году в Москве Берггольц испытала шок: «О Ленинграде все скрывалось, о нем не знали правды так же, как о ежовской тюрьме. Я рассказываю им о нем, как когда-то говорила о тюрьме, – неудержимо, с тупым, посторонним удивлением... Трубя о нашем мужестве, они скрывают от народа правду о нас. Мы изолированы, мы выступаем в ролях «героев» фильма «Светлый путь». Тогда она горько призналась самой себе: «Для слова – правдивого слова о Ленинграде – еще, видимо, не пришло время... Придет ли оно вообще?»

Правды о блокаде власти боялись всегда, как и самого мироощущения жителей города, где в годы войны, по выражению Даниила Гранина, интеллигентность слилась с народностью. «Теперь-то мы хорошо почувствовали свою силу!» – воскликнула Ольга Берггольц в эфире Ленинградского радио 18 января 1943 года, в день прорыва блокады. Но именно сильный народ властям был не нужен. Они не доверяли городу непокоренных. Городу, стойкость жителей которого не могло не признать даже гитлеровское командование. В Центральном архиве ФСБ России

хранится циркуляр командующего группой армий «Висла», рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. «Висла» весной 1945-го прикрывала подступы к Берлину, и Гиммлер на примере непобедимого Ленинграда описывал качества наступающего на столицу рейха противника.

«Секретно.

Генералам и командирам дивизий войск группы «Висла». 19.2 1945.

Настоящим посылаю для изучения материалы по обороне Ленинграда... Пусть каждый узнает, с каким грубым, холодным как лед противником мы имеем дело...

...Обязанностью каждого жителя города было выполнение только таких работ, которые стояли в непосредственной связи с обороной города с тем, чтобы отбросить врага, или просто работ, связанных с ведением войны. Жители обучались военному делу, рыли окопы и работали на промышленных оборонных предприятиях. Воля населения к сопротивлению не была сломлена. Проведение оборонных мероприятий было всеобщим. Эти мероприятия проводились полностью даже при бесчисленных атаках немецких войск. Пригородные районы и сам город перерезали противотанковые рвы и система окопов. Каждый дом был превращен в крепость, подвальные помещения связаны в линии обороны. Ненависть населения стала важнейшим мотором обороны».

Вот этой несломленной воли к сопротивлению, как и ценой невероятных жертв завоеванного права на честную память, партийное руководство после войны опасалось более всего. И «в назидание» организовало сначала погромное постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград» в 1946 году, а потом, в 1949-м, «Ленинградское дело». В 1949 году был уничтожен и открывшийся еще во время войны Музей обороны и блокады, экспонаты для которого собирали сами ленинградцы. Его руководство репрессировали по «Ленинградскому делу». Создатели экспозиции музея, как резюмировала прибывшая с проверкой комиссия ЦК ВКП(б), «незаслуженно приписали» подвиг воинам и горожанам, «создавали миф об особой «блокадной» судьбе Ленинграда» и даже «принизили роль товарища Сталина в обороне города». Блокада Ленинграда, теперь уже информационная, продолжалась. «Ведь они же утвердятся в случае победы, им зачтут именно то, что они делают», — еще во время войны предчувствовала Берггольц. И снова не ошиблась — «они» укрепились, и «им» действительно зачли деятельность по умерщвлению правды. Одним из таких «укрепившихся» стал начавший свою партийную карьеру после «Ленинградского дела» и доросший до должности первого секретаря Ленинградского обкома КПСС Григорий Романов. Именно он, невзирая на просьбы ленинградцев, не разрешал вновь открыть Музей обороны и блокады: музей открылся лишь после отъезда Романова в Москву, в середине 80-х. Он же, несмотря на письма блокадников, запретил хоронить Ольгу Берггольц на Пискаревском кладбище. А еще товарищ Романов наложил вето на издание в Ленинграде «Блокадной книги» — даже с цензурными купюрами (первая, журнальная, публикация состоялась в Москве в 70-х). И уже в 2004 году в интервью «РГ» не постеснялся откровенно ответить на вопрос о том, почему негативно воспринял «Блокадную книгу»: «Вы знаете, я и сейчас плохо отношусь к Гранину, точнее к тому, что он говорит и пишет о блокаде. Это все неправильно, необъективно... Руководители города, включая Жданова, сделали все, чтобы спасти Ленинград». (См. «РГ» от 27.01.2004.) Бывают странные сближения — в 2010 году, за несколько дней до празднования 100-летнего юбилея Ольги

Берггольц, Смольный во главе с предыдущим губернатором, вопреки протестам творческих деятелей и простых горожан, принял решение «в целях увековечения памяти государственного деятеля Григория Васильевича Романова» об установлении мемориальной доски на доме, где он жил. Петербуржцы прозвали ее «доской беспамятства». Несколько позже то же правительство Петербурга признало аварийным памятник архитектуры XIX века – Дом литератора на Невском проспекте, 68. Дом литератора начали восстанавливать сразу после прорыва блокады Ленинграда. Он стал первым возрожденным историческим зданием города-героя, причем возрожденным благодаря подвижничеству жителей, добровольно приходивших помогать реставраторам. Пытаясь спасти легендарный особняк, деятели культуры (среди которых были Михаил Пиотровский и Александр Сокуров) напоминали и об этом, считая его своеобразным памятником духовному подвигу горожан. Безуспешно. Его, не дрогнув, снесли. Теперь на месте исторической памяти возводится броский архитектурный новодел.

Кто не забыт и что не забыто?

Справка «РГ»

Промышленное производство в Ленинграде 1941-1942 годов

На оборонных работах, организованных в городе к концу июня 1941 года, были заняты в подавляющем большинстве женщины, подростки и старики. В строительстве оборонительных сооружений под Ленинградом работали более 475 тыс. человек. Было вырыто 626 км противотанковых рвов, сооружено 15 тыс. дотов и дзотов. В самом Ленинграде на 110 узлах обороны было построено 25 км баррикад, 570 артиллерийских дотов, около 3600 пулеметных дотов.

Только с 15 декабря 1941 г. по 15 марта 1942 г. в Ленинграде было отремонтировано 53 танка, 43 артиллерийских орудия, 37 самолетов, 700 оптических приборов, большое количество минометов и стрелкового оружия. Основное же внимание обращалось на выпуск новой продукции. За тот же период было изготовлено и передано фронту 88 полковых пушек, 2657 автоматов, 479 минометов, 95 тыс. корпусов снарядов и мин, снаряжено 256 тыс. выстрелов снарядов и мин, произведено 435 тыс. взрывателей, 29 млн капсюлей.

Уже в 1942 году промышленность Ленинграда освоила производство более 50 новых видов вооружения и боеприпасов, выпустила свыше 3 млн снарядов и мин, около 40 тыс. авиабомб, 1260 тыс. ручных гранат. Тогда же на фронт было отправлено 713 танков, 480 бронемашин, 58 бронепоездов, выпущенных в блокадном городе.

Текст: Юлия Кантор (доктор исторических наук)

Источник сайт «Российская газета»